

ЯЗЫЧЕСКАЯ «РЕФОРМА» ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА В НАЧАЛЬНОМ ЛЕТОПИСАНИИ: УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ?*

В статье рассматриваются два чрезвычайно дискуссионных вопроса, связанных с историей восточнославянского язычества: т.н. киевский «пантеон», якобы созданный князем Владимиром Святославичем, и человеческие жертвоприношения. Автор приходит к выводу о том, что летописцы, описывавшие древнерусские языческие практики, использовали в качестве образца полный славянский перевод сочинения византийского историка Георгия Амартола. Поэтому историческая реальность этих известий — сомнительна. С другой стороны, почитание в древней Руси упомянутых в летописи богов и проведение человеческих жертвоприношений могут быть подтверждены другими, более достоверными источниками. Еще один вывод статьи — это то, что «языческие» фрагменты, основанные на Хронике Амартола, принадлежат, скорее всего, сводчику, работавшему в 1070-е гг.

Ключевые слова: Древняя Русь, язычество, славяне, политеизм, человеческие жертвоприношения, летописание.

Знаменитый рассказ начальной летописи под 980 г. о языческом «пантеоне» князя Владимира Святославича традиционно воспринимался в историографии как повествование о вполне реальных событиях. О «языческой реформе» Владимира мы можем прочитать даже в современных учебниках. Однако с источниковедческой точки зрения, это известие уже давно вызывало у исследователей определенные сомнения. А.А. Шахматов полагал, что в древнейшем летописном тексте («Древнейшем своде») читалась только фраза «и постави кумиры на холмѣ вѣдѣ дворъ теремнаго», а все остальное — продукт творчества составителя Начального свода 1090-х гг.¹, но это была только догадка, основанная на том, что в последующем тексте

* Предварительный текст этой работы обсуждался 17 июня 2011 г. на круглом столе в редакции журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики». Благодарю всех принимавших участие в обсуждении, особенно: А.М. Введенского, А.Ю. Виноградова, А.А. Гиппиуса, А.А. Горского, Д.А. Добровольского, Е.Л. Конявскую, А.Ф. Литва, Н.И. Милютенко.

¹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. § 96. С. 139–140.

отмечается грамматический сбой. Скептическую оценку этого известия высказывал Ст. Рожнецкий, считавший, что оно было «сфабриковано» на основании библейских образцов, а в древнейшем тексте читалось имя одного «кумира» — Перуна², однако опирался он не на церковные тексты, а на другой, также летописный фрагмент — «Речь Философа» (в рассказе о Крещении Руси, далее — РФ)³. В новейшей историографии эту точку зрения поддержал Х. Ловмянский, по мнению которого, правда, все кумиры, кроме Перуна, были добавлены Никоном. Его польский историк, вслед за А.А. Шахматовым, считал автором свода 1070-х гг.⁴

Важные наблюдения над этим известием принадлежат В.Я. Петрухину. С одной стороны, историк отмечает, что «структура всего летописного текста, посвященного деяниям Владимира, ориентирована на вполне очевидный библейский образец» — на рассказ о царе Соломоне (женолюбие и поклонение языческим богам). При этом В.Я. Петрухин не склонен к гиперкритицизму и полагает, что «летописец не прямо следовал библейскому образцу, а, опираясь на него, интерпретировал русскую реальность». Общий вывод ученого состоит в том, что, с одной стороны, летописный «пантеон» «седвали мог представлять собой реальное средоточие религиозного культа», с другой, — он не был и «конструкцией древнерусского книжника»; а в самом списке имен, по мнению В.Я. Петрухина, могла отразиться вполне реальная традиция⁵.

Наблюдения В.Я. Петрухина представляются в основе своей совершенно справедливыми. Очень важным является вывод об определенной близости фрагмента начального летописания с «проводами Перуна» и рассказов славянских переводов хроник Иоанна Малалы (далее — Мал.) и Георгия Амартола (далее — ХГА) об изгнании из Рима «боярина» Февруария (Февруалия). При этом летописец, по-

² Roźniecki S. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie // Archiv für slavische Philologie. 1901. Bd. 23. S. 504–506.

³ См. также: Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005. С. 73–78.

⁴ Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб., 2003. С. 91–101; недавно к такому мнению на основе чисто текстологических данных пришел С.М. Михеев, см.: Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 209.

⁵ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 257–261; Он же. «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого. М., 2004. С. 248–250; Он же. «Русь и все языцы». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 192–199, 209–221.

хоже, ориентировался именно на Мал., что следует из сопоставления соответствующих отрывков (курсивом выделены точные совпадения, подчеркиванием — неточные; близок также в определенной мере общий смысл обоих повествований).

Летопись	Мал.	ХГА
Перуна же <i>повел</i> (Владимир. — П.Л.) <i>привати</i> коневи къ хв[о]сту и влещи с горы по Боричеву на Ручан, 12 мужа пристави <i>бити⁶</i> жезлием ⁷ .	И аби снемь (стратиг Малий. — П.Л.) с него (Февруария. — П.Л.) [ризы], постави с горы по Боричеву на Ручан, 12 мужа пристави <i>бити</i> , въпиюще:	<u>Связавъ</u> врага своего Февруария, и все имвни вземь от него, и нага обнаживъ, одѣ его въ рогозину, ситием исплетену, и ужемь препоясавъ, и <u>повельвъ</u> гражданомъ свидовомъ жезлиемъ <i>бити</i> и глаголати к нему: «Излѣзи, Февруаръ!» ⁸ .

Совпадения очень незначительные, но при этом весьма характерные — случайным упоминание «жезлия», например, считать, по-видимому, никак нельзя. В Мал. читается «жезлие» (палки), а в ХГА — «жезльники», т. е. жезлоносцы, ликторы, и это свидетельствует в пользу того, что ориентиром для летописца служила, скорее, первая. Речь должна идти именно об *ориентации* на литературный образец, а не о прямом заимствовании, которое было минимальным.

Такого же рода *ориентация на литературный образец* прослеживается в известном рассказе Начального летописания о блудной жизни Владимира до крещения. Обычно считается, что летописец ориентировался непосредственно на Библию¹⁰, но сопоставление текстов показывает, что, скорее, на ее изложение в ХГА (курсивом выделена характерная параллель):

Летопись	ХГА	Библия
И бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женъскою. <i>И быша ему</i>	...цесарь Соломонъ бѣ женолюбецъ, и баху	Царь Соломонъ бѣ любя жены зѣло, и

⁶ Восстановлено по НПЛ мл. и по другим спискам ПВЛ (в Лавр. — «тети»).

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 116.

⁸ Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе (репр. издание материалов В.М. Истрина) / Подгот. изд., вступит. ст. и прилож. М.И. Чернышевой. М., 1994. С. 195.

⁹ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 41.

¹⁰ См., например: Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 102.

водимыя: Рогынѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоить сельце Предъславино, от неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мъстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 тчери; от Грекинѣ Святополка, от Чехинѣ Вышеслава, а от другоѣ Святослава и Мъстислава, а от Болгарыни Бориса и Глѣба. А наложыницъ бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 Бѣлгородѣ [испр. по др. спискам, в Лавр.: в Болгарех], а 200 на Берестовѣ¹¹.

ему владуше 700 и наложници 300. И поят жены от Моавитянъ, от Аманитянъ, от Сурянъ, от Идумѣянъ, от Хетѣянъ, от Аморѣянъ и от языкъ, ихъже отрек господь от сыновъ Израилевъ¹².

поять жены чуждая: и дщерь фараону, моавитяныя, и амманитыяя, и асирияя, и идумѣянъя, и амефеныя, — от языкъ, яко же заповѣда господь сыномъ израилевымъ не входити в ня... И быста ему жены начальных 7 сот и подложници 300¹³.

Если заимствование из ХГА в следующем фрагменте летописи, где содержится даже прямая цитата из хроники о количестве жен Соломона, очевидно, то здесь оно носит совершенно иной характер. Заимствуются не слова и фразы, а общая схема повествования и стилистические ходы. Владимир, как и Соломон, — блудник, женолюбец (1), у него есть гарем (2), состоящий из жен и наложниц (3), причем называется их точное число (4). Жены происходят из разных народов (5), но, если в ХГА речь идет о происхождении жен от народов, то в летописи — детей от жен (6). Это весьма прихотливая конструкция, в которой допущен лишь один сбой, но такой, что позволяет выявить наличие у летописца «шпаргалки». Он начинает вроде бы перечислять жен («И быша ему водимыя: Рогынѣдь...»), но потом начинает перечислять *детей*, рожденных от жен — в результате происходит грамматический сбой («И быша ему водимыя ... от Грекинѣ Святополка...»)¹⁴. Причиной сбоя стало, во-первых, то,

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 79–80.

¹² Истрин В.М. Книги временныя и образныя. Т. I. С. 147–148.

¹³ Острозька Біблія / Опр. та пригот. до друку ернн. Рафаїл (Турконяк). Львів, 2006. С. 531. Конечно, сопоставление с Библией здесь достаточно условно, так как в более ранних, чем Острожская Библия, текстах могли быть другие чтения.

¹⁴ Т.Л. Вилкул усматривает здесь «микрозаимствование» из следующей фразы Мал.: «прѣжаса (у Вилкул ошибочно: прѣжася. — П.Л.), жены ж[е] сиа б[о]га его миխу водимыя имъ» (Вилкул Т. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 77). В Мал. речь идет о «проказах» мифологического персонажа Пика-Зевса, жены которого считали его богом (Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы. С. 28). С летописью совпадает, собственно, одно слово: «водимыя». И по форме, и по содержанию, рассказ о Владимире, конечно, намного ближе к повествованию о Соломоне, чем об итальянском мифическом персонаже. В принципе,

что летописец перенес внимание с жен на детей, во-вторых, — то, что он заменил, видимо, не вполне понятное ему выражение «бяху ему владуще», представляющее собой кальку с греческого ἦσαν αὐτῷ ἀρχούσαι¹⁵ («владели им»), из-за чего в славянском переводе появился дательный падеж, на «водимыя ему», где сохранился дательный падеж «ему», но на естественном для древнерусского языка месте.

Прямое заимствование из ХГА (или из хронографического текста, имевшего ее в качестве источника), принадлежит уже другому летописцу — очевидно, составителю Начального свода¹⁶.

Сравним теперь два фрагмента — известие о «пантеоне Владимира» под 980 г., также принадлежащее к числу важнейших «религиозных» сюжетов начального летописания, и рассказ ХГА об уклоении иудеев в политеизм:

Летопись	ХГА
И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму въ двору теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усть злату, и Хърса, Даждьбога, и Стрибога, и Симарыгла, и Мокошь. [И] жряху имъ, наричноце я б[ог]ы, [и] привожаху с[ы]ны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, [и] оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровыми земля Руска ¹⁷ .	Они же ¹⁸ ...поклонишаася въ творьца мѣсто твари... когда же Вельфегору поклонившеся, иногда же Валу и Фамуза и Сидонию Истартиню и Мольхома и Хамоса, и иногда съльницю и лунѣ и звѣздамъ, яже богъ на сияние человѣкомъ створи, а не на покланяние, и не словесныхъ животинъ, рекше скотинамъ, яко егуптияне... и богы сребреныя и златыя, яко въ Иудѣи. Се же проявляя и претя имъ, богъ глаголаше пророкомъ: «...сего ради убо поистинѣ потребишаася, яко бога прогнѣвша и святоую оноу землю оскверниша» ¹⁹ ...

летописец мог, правда, запомнить понравившееся ему слово, которое он увидел в Мал. и применить его в «нужном» месте, но это предположение излишне. Глагол «водити» в значении «жениться», «иметь жену» ни в коей мере не является гапаком (см. пример из Жития Андрея Юрдишего в Великих Минеях Четырех (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 252), и особенно в берестяной грамоте № 9 XII в.: «А нынѣ вода новую жену, а мънѣ не вѣдастъ ничто же, избивъ руки, пустиль же мя, а иную пояль» (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 300) — свидетельство того, что это обиходное выражение), так что здесь, скорее всего, просто совпадение.

¹⁵ *Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904. Vol. I. P. 204.*

¹⁶ См.: Мухеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? С. 108, 203.

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 79.

¹⁸ Принимаю конъектуру В.И. Матвеенко и Л.И. Щеголовой (вместо «викъ») (Матвеенко В., Щеголова Л. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амарто-ла). Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000. С. 440).

¹⁹ Истрип В.М. Книги временныя и образныя. Т. I. С. 295.

Хотя текстуальные совпадения здесь, на первый взгляд, неочевидны, просматривается, тем не менее, три параллельных момента. Во-первых, количество языческих богов — шесть — совпадает с летописным, причем, как и в летописи, упомянут один женский персонаж (Астарта и Мокошь) и один, так сказать, ведущий (Вельфегор и Перун). Во-вторых, такая деталь, как материал, из которого изготовлены «боги»: золото и серебро (ср. серебряную голову и золотые усы Перуна). В-третьих, совпадает мотив оскверненной земли. Несмотря на то, что некоторые из этих общих деталей относятся к топике церковной литературы, их характер и концентрация на узком пространстве небольшого фрагмента ХГА позволяют, как представляется, отбросить предположение о случайном совпадении.

Ситуация становится еще более ясной, если обратиться к совпадению с приведенным местом из ХГА двух других небольших фрагментов летописных рассказов о «религиозных» событиях эпохи княжения Владимира Святославича: о расправе с варягами-мучениками (под 983 г.) и о проповеди немцев-миссионеров (сюжет о выборе веры):

Мученичество варягов	Проповедь немцев	ХГА
Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже створиъ небо и землю, звѣзды, <u>мъсѧцъ</u> и всяко дыханье... ²⁰	...кланяемся и Богу, еже створиъ небо и землю, звѣзды, <u>мъсѧцъ</u> и всяко дыханье... ²¹	(о том, кому поклонялись древние евреи. — П.Л.) и иногда съльницю и лунѣ и звѣздамъ, яже богъ на сияние человѣкомъ створи, а не на покланяние ²² .

В другой работе я, идя вслед за А.А. Шахматовым²³, рассматривал две возможности: либо рассказ о варягах-мучениках повлиял на сюжет о выборе веры, либо наоборот²⁴. В действительности, однако, существует и третья возможность: один и тот же летописец вдох-

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 82.

²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 85.

²² Истрип В.М. Книги временныя и образныя. Т. I. С. 295.

²³ Шахматов А.А. Разыскания. § 104. С. 145–147.

²⁴ Лукин П.В. Сказание о варягах-мучениках в Начальном летописании и Прологе // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009, декабрь. № 4 (38). С. 87–88. См. также: Введенский А.М. Житие варягов-мучеников (Функционирование легенды в летописи и в Прологе) // Там же. С. 69.